

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

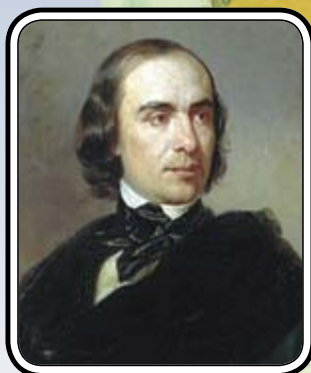
РОМАН-ГАЗЕТА

9

■ 2015 (195)

6+

РУССКИЙ МУЗЕУМ:
Капитон Зеленцов

РАССКАЗЫ:
Гуси в польные

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Лунный сыр

В. Мельников
КОЛЬЦО

Н. Бондаренко
КУКУШЕЧКА

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

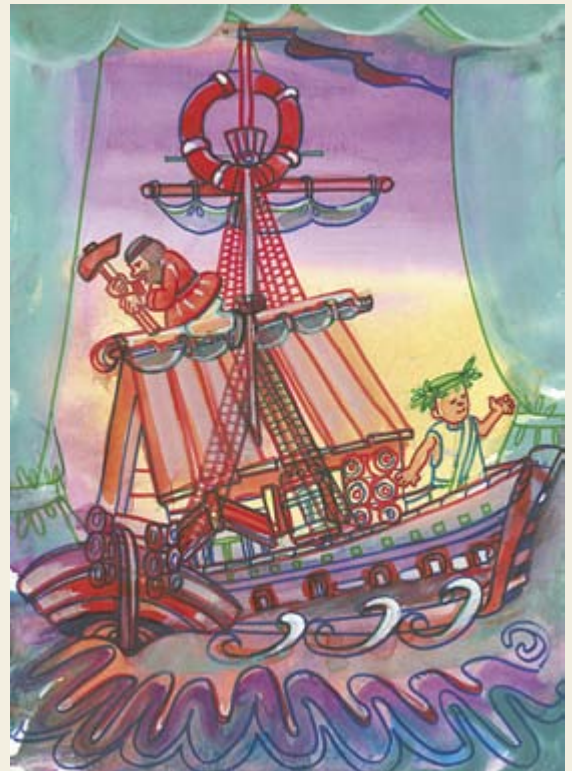

Художник Л. Зубарёва

Осип Мандельштам
Актёр и рабочий

Здесь, на твёрдой площадке яхт-клуба,
Где высокая мачта и спасательный круг,
У южного моря, под сенью Юга
Деревянный пахучий строился сруб!
Это игра воздвигает здесь стены!
Разве работать — не значит играть?
По свежим доскам широкой сцены
Какая радость впервые шагать!
Актёр — корабельщик на палубе мира!
И дом актёра стоит на волнах!
Никогда, никогда не боялась лира
Тяжёлого молота в братских руках!
Что сказал художник, сказал и работник:
«Воистину, правда у нас одна!»
Единым духом жив и плотник,
И поэт, вкусивший святого вина!
А вам спасибо! И дни, и ночи
Мы строим вместе — и наш дом готов!
Под маской суровости скрывает рабочий
Высокую нежность грядущих веков!
Весёлые стружки пахнут морем,
Корабль оснащён — в добрый путь!
Плывите же вместе к грядущим зорям,
Актёр и рабочий, вам нельзя отдохнуть!

1920

К. Коровин
На берегу моря
1910 г.

В номере:

3

Виктор Мельников

Кольцо

14

Наталья Бондаренко

Кукушечка

17

РУССКИЙ МУЗЕЙМ

Даниил Санкин

Художник интерьеров: Капитон Зеленцов

23

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Древнерусская монетная чеканка

24

ЖИВОЙ УГОЛОК

Владимир Волков

Летка и дядя Коля

25

ИГРОТЕКА

Форменная шарада

26

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Павел Гусев

Лунный сыр

27

ЛИЦЕЙ

Пословицы о труде

28

РАССКАЗЫ

Леонид Владимирский

Автопортрет

29

ГЕРБАРИЙ

Лев Толстой

Какая бывает роса на траве

30

РАССКАЗЫ

Виктор Астафьев

Гуси в польнье

33

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Ткань Пенелопы

34

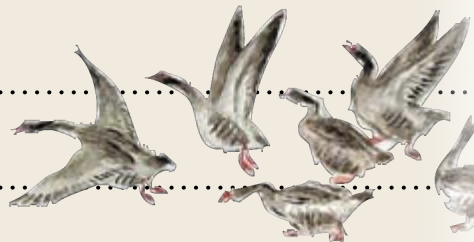
ИМЕНА

Валентина Коростелёва

Стихи, вошедшие в природу

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Ген. директор

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юрисконсульт

Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 3434

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Виктор Мельников

КОЛЬЦО

Художник Н. Агафонова

Посвящается дочери Елене

Немало воды утекло с того времени в реке Чулым... Вырос и Лёшка, став известным в своём городе человеком.

Много повстречал он на своём пути людей, но одна встреча до сих пор не выходит из головы Алексея Коростылёва. Нет-нет да и вспомнит он о той встрече с поэтом. В ту пору Лёшка только-только начинал писать стихи. Вероятно, про это и надо рассказать сначала, а уж потом, когда всё будет ясно, можно дойти и до той встречи, которая определила Лёшкину судьбу...

Лёшка-поэт

Вообще говоря, никаких предпосылок к поэтическому творчеству у Лёшки не было. В свои шестнадцать лет он уже всю плотничал, вгоняя в мозоли «правду жизни». Работать он пошёл потому, что голод, как всем известно, не тётка. Ну а когда стал кормиться своим трудом — о школе пришлось позабыть. Да и не очень он рвался в школу-то...

Так что значилось за ним «семь классов и один коридор», и особой тоски по этому поводу Лёшка не испытывал, потому как если с образованием заковырка получилась, то на работе дела шли на лад: не всякий за ним поспевал. И бывалоча, взрослые мужики говаривали ему, поглядывая с уважением: «Ну ты, Лёшка, зверь... Если сейчас за тобой, шпингалетом, ни хрена не угонишься, что же будет годам к тридцати, так тебя растак?» Впрочем, так оно и вышло. Мужики как в воду глядели.

Лёшке было приятно знать, что уважают за дело. Жил он скромно, по пьянкам не шатался, из воли материнской не выходил и никакой работой не брезговал.

Этим летом его впервые взяли в лес валить деревья. Тогда всё и началось.

Был вечер. Закат, словно огненное море, разливался над верхушками деревьев. Уже не слышно было жужжания бензопилы, хруста веток и грузного колокольного буханья деревьев. Солнечный шар медленно скатывался за грань между небом и лесом.

Лёшка лежал в траве и рассуждал о бренности жизни. «Вот дуб... Триста лет живёт, — думал он, — а вся его жизнь — случайность. Игралище рока, можно сказать. Спилем мы его завтра, и следов от него будет — один пенёк. И то к следующему лету мхом зарастёт. Чудно всё-таки устроена эта жизнь — хоть у нас, хоть у этих вот деревьев...».

Вдруг совсем рядом послышался тяжёлый хруст, будто по зарослям пёрся трактор, но странный какой-то — без мотора. Лёшка поднял голову. На вырубку выходил, не таясь, огромный лось. В розовой дымке заката он казался доисторическим зверем, провожающим уходящий день. Лёшка раздвинул траву и шагнул вперёд.

Лось повернул голову и беззлобно глянул на него. Лёшка раньше даже коров боялся, а тут как зачарованный — пошёл, точно в сказку живую. И ведь лось подпустил его и даже позволил себя погладить! Ручной, что ли? Глаза большие, красноватые. От бархатных губ валил пар. Под шкурой — гора первобытной силы! Живот лося весь усеян репейником и колючкой. Лёшка даже начал сдирать их.

И вдруг услышал топот за спиной. Обернулся. Бежали рабочие. Впереди несся бригадир с ружьём.

— Не стреляйте в него! — заорал Лёшка на весь лес, подался вперёд и раскинул руки.

— Уберись! — хриповато завыл бригадир. — Застрелю!

Лёшка в ответ только шире развёл руки, повернулся к лосю и крикнул:

— Чего стоишь?! А ну давай отсюда! Я тебя прикрою!

Лосюра глянул на него испуганными лошадиными глазами — и пропал в темноте деревьев, точно видение. Просто удивительно, как такая здоровая туша может исчезнуть в несколько прыжков. Только в глазах ещё оставалось движение тёмно-рыжей тени.

Лесорубы остановились. Бригадир по инерции забежал вперёд и начал длинное и заковыристое ругательство. Однако завершение этой сложной конструкции потонуло в громе выстрела: в сердцах он пальнул в небо.

За ужином стояло напряжённое молчание. Вдруг повариха сердито буркнула:

— Лося бьют в осень, а дурака — всегда.

— Ну и что хотел доказать? — взорвался бригадир.

— Надо, чтобы всё по-честному было, — ответил Лёшка. — Одно дело, когда на охоте, а когда сам пришёл, доверился, а мы его...

Бригадир хотел было что-то сказать, уже рот открыл — но замер и изумлённо уставился на Лёшку.

Ночью Лёшка летал. Снилось ему, будто он птица: мечется от дерева к дереву, а сесть всё никак не может. Только подлетит — а ствол тут же оборачива-

ется пнём. Когда проснулся, на душе была тяжесть. С чего бы это? И вдруг Лёшка понял, что ему жалко губить лес: и деревья, и зверьё, жалко вчерашнего недотёпу-лося.

Утром, после завтрака, он подошёл к бригадиру и стал проситься на городской объект.

— За вчерашнее обиделся? — усмехнулся бригадир.

— Это вы должны быть в обиде, что не удалось поесть лосятины, — возразил Лёшка.

— Чего же тогда просишься?

Лёшка хотел было сказать про лес, про то, что жалко его губить, да сдержался, не стал. Всё равно ведь не поймут, скажут: совсем ты, парень, одурел.

— Умаялся я чего-то...

— Укатали сивку крутые горки, — понимающе вздохнул бригадир. — Говорил же я, что рано тебе лес валить, не окреп ещё. Ладно, езжай...

И они разошлись, руки друг другу пожав.

У Лёшки словно камень с души свалился.

Домой он возвращался на лесовозе. На сердце было так легко, что прямо петь хотелось. И вдруг в рокоте мотора почувствовал он необычный ритм. Слова сами собой сложились в строчку, следом вторая выпорхнула. Так, в кабине, он сочинил своё первое стихотворение. И остановиться уже не мог. Когда выбрались к большаку, в голове сложилось ещё одно.

Лёшка был как во сне. Он не слышал ни рёва машины, ни болтовни шофёра, и казалось ему, что бредёт он лесной лощиной и сквозь кроны деревьев сыплются солнечные лучи, а он входит в речку и ступает по чистому дну по колени в воде...

Мать встретила Лёшку подозрительно.

— Чего случилось, что ль?

Не ответив, Лёшка, не снимая ботинок, кинулся по чистым половицам к комоду. Достал тетрадку, приник к столу и, прикусив губу, принялся писать строчку за строчкой.

— Никак увольняться надумал?! — всплеснула руками мать.

Лёшка поднял ошалелый взгляд:

— А что, может, и уволиться придётся, когда дело пойдёт... — Глаза его мечтательно затуманились, и он с нежностью поглядел на тетрадь. — Поэтом я хочу быть.

— Да ты рехнулся! Какой ты поэт? Ты чего городишь? Профессия у тебя хорошая, бригадир вон и разряд обещал повысить, а это значит — к зарплате прибавка. Что с тобой?! Или кто сглазил?

— Да никто меня не сглазил! — Лёшка прыснул. — А за стихи тоже деньги плотят, и ещё какие! Ты лучше послушай:

*Яркое солнце. Тающий снег.
Земные мотивы вечности.
Всё живое набирает бег,
Пускаясь по бесконечности.*

— Ну как? — восторженно взглянул на мать Лёшка.

— Да вроде хорошо... — растерялась та. — В нашем роду никто этим не баловался. Но ты пока, Лёш, работу-то не бросай. Ты сначала покажи кому-нибудь, чего написал.

— Что же я — глупый, что ли? — солидно изрёк Лёшка.

В районной газете «Ленинский путь» заведомо культуры Матвей Ильич Рубинштейн бегло просмотрел Лёшкину писанину и вернул, печально глядя усталыми лосиными глазами:

— О людях что-нибудь напиши... И прозой, пожалуйста. Тогда напечатаем.

«Пенёк! — ругался Лёшка по дороге домой. — Удои да урожаи только на уме! А о настоящем, возвышенном — никакого понятия. Эх, знающего человека бы найти! Да где ж его в нашем городе взять? Наверное, только я один и пишу».

Но вскоре благоприятный случай Лёшке представился.

Таинственный незнакомец

Однажды, когда Лёшка возвращался с работы домой, его окликнул незнакомец:

— Ты здешний?

Лёшка кивнул, степенно, по-рабочему.

— Какое имя у вашей реки?

Лёшка ответил.

— А как называется город?

Это было уже слишком. Ну, улицу спросить — куда ни шло. А вот город не знать — это человек или из сумасшедшего дома сбежал, или с луны свалился. Лёшка пригляделся. Незнакомцу на вид было лет двадцать пять, лицо бледное, глаза ясные, синие, внимательные, чуть насмешливые; лоб высокий, с залысинами; волосы курчавые, тёмные. И хотя одежда на нём была непривлекательная: затёртые штаны, мятая выцветшая рубашка, побитые башмаки, но смотрелось всё это как на картинке из романа Майн Рида. Даже рваная телогрейка, которую мужчина держал на плече на манер гусарского ментика.

— Так как называется ваш город?

— Ачинск, — автоматически ответил Лёшка и добавил: — Чудной вы какой-то...

Незнакомец пожал плечами и глянул на сверкающую пятиглавию небесно-голубую церковь, былинную достопримечательность Ачинска, окружённую россыпью ветхих домишек.

— Мне, может, тоже кажется, что ты чудной. Ведь, если приглядеться, мы все — дальние близкие родственники.

— Выходит, я своего дядю встретил, — съехидничал Лёшка.

— Ну, дядя не дядя, а по какой-нибудь общности непременно родич. Вот ты, к примеру, чем занимаешься?

— Плотничаю. Стихи пишу...

— Ну вот и нашлась ниточка! — улыбнулся собеседник. — Наш с тобой общий мир — поэзия.

— Вы — поэт?! — изумился Лёшка.
— А что, не похож? Не так одет? Смокинга не хватает?
— И у вас что же, книжки есть?
— Есть, есть...
— А как вас зовут?
— Павел Волгин. Московский поэт. Может, приходилось читать?
— Да вроде имя знакомое. А Волгин — это ваш... как его... псевдоним?
— Да нет, как ни странно, настоящая фамилия. По первости все удивляются. Ну а тебя как звать?
— Лёшкой... А скажите, товарищ Волгин, как это вы к нам в Сибирь из Москвы-то?
— Я, брат Алексей, бродяга по натуре. Мне надо каждое слово пощупать руками, поднести к глазам, вдохнуть в себя его запах и только потом вписать в строку. Дело хлопотное, конечно, но по-иному не получается. Вот и хожу по свету, ищу свои слова.
У Лёшки от радости аж дух перехватило.
— А можно, я вас к себе домой приглашу? Мне очень нужно с вами поговорить. Ведь это такая удача, что я вас встретил! Честное слово. Не смейтесь. Ведь вот тоже стихи пишу, а показать их некому. Другьям моим одна радость — стакан губастенький хлопнуть.
— Да я-то не против. Тем более мне здесь и переночевать негде. Только вот родители твои — не выставят ли меня за порог?
— А я матери скажу, что вы из моей бригады. Она даже рада будет.
— Ну, коли так — пошли, — согласился поэт и зашагал рядом с Лёшкой.
Улица, по которой они шли, показалась тогда Лёшке бесконечно длинной. В этот час она напоминала гигантский конвейер, который переставлял на свои

места пешеходов, дома, деревья. Здесь пространство и время смыкало и разъединяло людей.

У довольно вытянутого двухэтажного строения они завернули в калитку и вошли в просторный двор, обнесённый высоким забором. В углу двора стоял добротно сколоченный туалет с шестью дверьми. Почти вдоль всего забора длинным рядом шли сарайчики, а рядом с туалетом располагалась, тоже обнесённая невысоким заборчиком, помойка. Это было знаменитое сооружение. Зимой оно постепенно превращалось в огромную ледяную гору — радость дворовых мальчишек. И хотя матери упорно отгоняли их, не разрешая кататься по всякой дряни, юные разбойники столь же упорно при всяком удобном случае норовили съехать на портфеле с головокружительной высоты и считали это за великое удовольствие.

Подъезд был один — по самому центру дома. Внутри тянулся сплошной длинный коридор — от окна к окну. Здесь царствовала ребячья, вопя, бегая и лихо объезжая на своих велосипедиках табуретки с примусами и керогазами, которые наличествовали почти у каждой двери.

Возле Лёшкиной комнаты булькал кипящий бак с бельём. В комнате было жарко, как в бане. Мать оторвалась от железного корыта, вытерла руки о фартук и не замедлила попенять Лёшке:

— Ну всё у тебя не как у людей. Предупредил бы — и я не стала бы стирку затевать.

Лёшка улыбнулся и обнял мать:

— Да это Павел из нашей бригады. У вокзала живёт. Вот по дороге и зашли. Я и забыл совсем, что сегодня пятница и, стало быть, стирка.

— Ладно, проходите, я уж скоро закончу.

Лёшка посадил гостя на диван и выложил перед ним охапку листов со стихами. Сам сел напротив и принялся ждать. Ему казалось, что сейчас Павел вскочит и воскликнет: «Дружище! Да ты настоящий поэт! Твои стихи изящны и тонки. Всё слово в слово, запятая в запятую. Никаких отступлений ни от образа, ни от мысли! А какие ритм и рифма! Язык, язык какой! Настоящий, русский. Да такой поэт раз в сто лет рождается! Завтра же едем в Москву!»

Но Волгин всё читал, читал и вскакивать, похоже, не собирался. Даже более того, некоторые стихи он, как показалось Лёшке, откладывал, не дочитывая. Изредка в их сторону поглядывала мать. Молчание затягивалось. Тогда Лёшка не выдержал и сказал:

— А я вот вчера о Пушкине написал...

— О Пушкине? Любопытно. Ну-ка, прочти!

Лёшка вскочил, отодвинул ногой от себя табуретку, сложил руки сзади и стал громко декламировать:

*В лучшей традиции века
Он вызов повесе бросил.
Тень чёрного человека
От себя и жены отбросил.
Сквозь этот январский иней
Смотрели два пистолета.
Кольхнул в воздухе синем
Запоздалый выстрел поэта.
За десять шагов до рая
Пушкин споткнулся на берегу.
Кровь закапала, остывая
Красной вишенкой на снегу...*

Закончив, Лёшка вопросительно уставился на Павла.

— Понимаешь, Лёша... — Поэт отложил листки от себя и откинулся на диване. Из его дырявых носок виднелись голые пальцы. — Мне кажется, ты то-

ропишься. Напор у тебя, конечно, есть, этакое юное поэтическое нахальство... Ну, естественно, размер где-то хромает, рифма тоже... Но это всё мелочи, это можно поправить. Хуже, что ты пишешь, не вникая в материал. Ну вот хотя бы Пушкина взять. Ведь это человек-эпоха, это создатель русской литературы как таковой. И личность совершенно потрясающего масштаба. Император Николай I после беседы с Пушкиным сказал: «Я сегодня говорил с умнейшим человеком России». И ведь правильно сказал! Пушкин жил в эпоху романтизма, во время блестящей аристократической поэзии. И не просто жил. Он был наиболее ярким воплощением этих понятий. А ты, ничего об этом не подумав как следует, с маху взялся за Пушкина, да ещё пишешь о нём в каком-то расхристанном маяковско-есенинском духе. Это, брат, безвкусица...

Лёшка скис на глазах.

Поэт посадил его рядом с собой и обнял:

— Учиться надо! Учиться вместе с друзьями и у друзей. Вот ты говоришь: друзья нехороши. Это ерунда. Во-первых, не может быть, чтобы во всём городе не нашлось нескольких человек, близких тебе по духу. Их надо искать. Что у вас, нет музея, библиотеки, Дворца культуры? Наверняка есть. Во-вторых, найдутся ещё иные друзья — книги. Не только Пушкин, Лермонтов, Есенин, но и Лорка, Ахматова, Пастернак, десятки других поэтов должны стать твоими друзьями. Конечно, поэзию начала века здесь трудно достать, Гумилёва особенно... Но сиднем сидеть тоже нельзя: надо искать выходы на самиздат, что ли...

У Лёшки в голове от всего этого каша заварилась. Сидел он, переваривая непонятное: Николай I, Гумилёв, «самиздат» какой-то... С одной стороны, вроде бы ясно было, что он, Лёшка, потерпел позорное и до невозможности стыдное поражение, а с другой — несомненно, стоит он на пороге неведомой страны. И это серьёзно, коли московский поэт беседует с ним почти на равных.

— Я вижу, вы, Павел, хоть и плотник, а человек образованный. — Мать сняла фартук и села напротив. — Хочу вам случай один рассказать. Идём мы однажды поздно вечером с Лёшкой по улице. А он останавливается у лужи и говорит: «Мам, гляди, как звёзды купаются. Много их, наверно, тут. Им бы поглубже где. Давай снесём их в речку». Это уж довольно давно было. С тех пор я стала за Лёшку опасаться. Чудной он у меня. Вроде бы и хорошо, что он на других не походит, а в другой раз глянешь — так и страх берёт: а ну как умом тронется... Вы уж мозги-то ему проветрите, а то больно уж он этой своей поэзией увлётся.

— Да вы не пугайтесь за него, — успокоил её Павел. — У Алексея — дар Божий. Я не знаю, станет ли он поэтом, но одарённость его несомненна. Интересно, в чём она проявится... В принципе, можно и в плотницком ремесле достичь гениальности — таким стать художником, что никому не сравниться.

Некоторое время молчали. Потом мать спохватилась:

— А что это мы сидим? Ведь ужинать пора.

Она поднялась и стала переключивать со стола лишние вещи.

И тут упала шкатулка с иголками да нитками, а оттуда, из маленького отделения, вдруг что-то покатилося по полу, сверкая огнистыми проблесками.

— Что это? — спросил поэт.

— Да так... — смутилась мать. — Колечко наше семейное...

— А можно посмотреть? — В голосе Павла звучал неподдельный интерес.

— Ну что ж... Посмотрите, коли охота.

КОЛЬЦО

Исловно незримая тень повеяла по комнате, когда мать передавала кольцо Волгину.

На первый взгляд было оно совсем простое: ровное, сверху чёрный лак, разрезанный по всей длине двумя параллельными золотыми бороздками, а внутри — обычное, полированное, только с какими-то буквами. Лёшка к нему настолько привык, что уже не обращал внимания. А поэт заинтересовался, да ещё как!

— А колечко-то антикварное... — протянул он, изучая пальцами свою находку. — Похоже, первая половина девятнадцатого века. Эге, да тут что-то написано! Ну-ка, ну-ка...

Он достал из кармана квадратный необычный кошелёк, развернул его, вытащил оттуда маленькую линзу и, прищурив один глаз, принялся всматриваться.

Прошло несколько секунд.

Волгин поднял голову и глянул на присутствующих затуманенным взором.

— А откуда у вас это кольцо, если не секрет?

— Я же говорю — семейное... Бабушкино ещё...

— Покупное или дарёное?

— Да откуда ж мне знать! — рассмеялась мать. — Меня ведь тогда и на свете не было, коли оно такое старое, как вы говорите.

— А если постараться? Припомните, это важно.

— А ведь и верно... Да, точно! Мама когда-то обмолвилась. Точно, дарёное оно!

— Ну, Алексей, поздравляю. Это не просто кольцо — это реликвия. Знаешь, что там написано? По-латыни: «Муза глориам коронат». То есть «Муза славу венчает». И значит, принадлежало оно какому-то поэту. Может быть, даже декабристу: Кюхельбекеру, например, или Батенькову. Каково? Да и не так важно это. Пусть даже то был никому не известный поэт-любитель. Но ты от него завещание получил через такую бездну времени. Полтора ста лет — ты представляешь?

Лёшка сидел открыв рот.

Волгин протянул ему руку:

— На! «Храни кольцо!» — как сказал бы Северянин. Держись за это кольцо, парень. Береги его и ни за что никому не продавай. В нём — твоя судьба, Алексей. Здесь не случайность. Тебе, наверное, Богом предназначено стать мастером своего дела!

Лёшка бережно принял кольцо и положил его на краешек буфета.

Утром они вместе дошли до станции. Голова слегка кружилась: вчера легли за полночь, всё никак наговориться не могли. На платформе Волгин ещё раз крепко обнял паренька — расстались они друзьями.

Лёшка вернулся с вокзала в прекрасном расположении духа.

— Ма, а где кольцо? — спросил он.

— Я его не брала. Где ты положил, там и лежит.

— Значит, на буфете должно быть. Но там его нету...

Стали искать, но не нашли. Мать обеспокоенно сказала:

— Ты, Лёш, в понедельник поспрашивай Павла...

Подозрение обожгло Лёшку — точно током ударило.

— Как же его теперь спросишь? — И он рассказал матери, что Волгин вовсе не плотник, а приезжий из Москвы человек.

— Всё ясно! — воскликнула мать. — Никакой он не поэт, а обыкновенный проходимец! — И принялась ругать его, но тут же перестала: бесполезно это было.

Лёшка сидел белый, как стенка, расстроенный до предела, и ничего не слышал, что ему говорили. Мир рушился в его душе. Что же случилось? Сначала оказывается, что Лёшка никакой не поэт и ему только ещё учиться надо, а теперь выходит, что Волгин, которому он поверил как родному, — совсем не тот, за кого себя выдаёт.

Всю субботу Лёшка просидел молча, не евши, не пивши. Утром в воскресенье мать сказала ему:

— Ты бы, сынок, погулял, что ли...

И Лёшка отправился бродить по городу. Ходил-ходил и нечаянно на музей наткнулся. Давно уже здесь не был. И, едва увидев музей, вспомнил Волгина. «Нет. Не может быть, чтобы он оказался обычным жуликом. Кольцо небось само собой пропало. Всё-таки очень знающий он человек: говорил как специалист. А что, если и в самом деле в музей зайти, как он советовал?»

И Лёшка вошёл.

Сначала он медленно слонялся мимо знакомых витрин, а затем присоединился к группе, потому что услышал: «А сейчас, товарищи, перед вами выступит Алексей Петрович Иванов, архитектор, специалист по древнерусскому зодчеству». Лёшка слушал его более чем внимательно. А когда экскурсия закончилась, он подошёл к архитектору. Задал ему Лёшка вопрос насчёт сред-

невековой кладки «в лапу». Иванов ответил. Тут Лёшка ему возразил. Архитектор вылупил глаза:

— А вы, собственно, кто будете, юноша?

Лёшка признался.

— А ну-ка пошли в кабинет, чайку попьём...

Они проговорили четыре часа.

Через месяц Лёшка уже работал в отряде Иванова. С дюжиной таких же ненормальных он скитался по родному краю, отыскивая старинные дома и церкви, фиксируя их, а наиболее ценные перевозя в музей-заповедник. Целый городок формировался при самом непосредственном Лёшкином участии. Иванов прямо вцепился в Лёшку мёртвой хваткой. Оно и понятно: руки у парня золотые. А главное — интуиция строительная развита на удивление. Что называется, абсолютный плотницкий слух.

Больше всего за это время Лёшке запомнилось, как они раскапывали, разбирали, а потом монтировали на новом месте старинную крепость рубежа XVII–XVIII веков. Вернее, не крепость, а её остатки: три башни и фрагменты ограды. Лёшка научился так владеть топором и пилой, что ему равных не было: какой хочешь узор мог вырезать — от пышного креста до фантастического грифона...

Когда Лёшку забирали в армию, Алексей Петрович сходил в призывную комиссию и о чём-то там пошептался. Забрали Лёшку в стройбат, но армии он фактически не видел. Жил главным образом в родном городе, а занимался преимущественно тем, что резал наличники для офицерских дач.

Когда служба кончилась, слава о пареньке загремела по всему городу. Самое большое удовольствие Лёшка испытал, когда к нему явился с целью написа-

ния очерка самолично Матвей Ильич Рубинштейн, заведомо культуры из газеты «Ленинский путь». Очерк напечатали. Назывался он «Без единого гвоздя». Благодарный Лёшка напоил Ильича до потери сознания.

А вскоре Иванов отвёл его на приём к председателю исполкома, и Лёшке выделили сруб в Ленинском посёлке. Обычный пятистенок, но рядом и газ, и вода. Лёшка взял отпуск и весь летний сезон работал как ошалелый. Зато дом получился такой, что на него приезжали смотреть со всего города.

Стали переезжать.

В назначенный час подъехал отряд реставраторов. Бородатый Иванов командовал, словно сказочный дядька Черномор: вещи сами собой летали в машину. В последнюю минуту Лёшка с матерью остались одни. Только две табуретки стояли посреди пустой комнаты. Присели на дорогу. Думали каждый о своём. Мать даже всплакнула... А когда уж совсем собрались было уходить, мать вдруг охнула и нагнулась к запылённому плинтусу. Протянула руку, отодвинула паутину, выпрямилась.

— Лёш...

На ладони её лежало кольцо.

— Нехорошо получилось... — вздохнула она. — Павел-то, получается, порядочный человек, а я все эти годы нет-нет да и ругну его про себя.

— Мать, можно, я кольцо себе возьму?

— Ох, ну бери, конечно... Уж больно ты от радости светишься, прямо как самовар. А поэтом не станешь?

Алексей Коростылёв поэтом не стал. Но славы приобрёл на плотницком деле достаточно. К примеру, улицу Розы Люксембург в Ленинском посёлке иначе как «Лёшкина улица» никто не называет, потому что Лёшка умудрился и всем соседям приличное убранство к домам изладить.

Хотя, честно признаться, с поэзией Алексей Иванович тоже не порвал. Он аккуратно посещает поэтическую студию «Содружество» и, говорят, значительно там преуспел. Но со стихами в газету не ходит и никому, кроме «содружников» своих, произведений не показывает.

Лишь изредка, когда попадается особо трудная деталь в проекте, достанет он из потайного кармана заветное кольцо и, повертев в руках, прошепчет: «Муза глюриам коронат... Вот оно как...». И вспомнит ту встречу. Немало воды утекло с тех пор в реке Чулым...

Наталья Бондаренко

КУКУШЕЧКА

Художник Н. Агафонова

В то лето моя сестра Алька отдыхала в лагере, а мы с мамой, папой и черепашкой Глашей жили на даче. Папа ни свет ни заря уезжал в город на работу, и мы втроём оставались одни, не считая соседей за забором. Маме на даче очень даже нравилось.

— Хорошо-то как!.. — не уставала она говорить. — Какая кругом красота! А воздух!..

Мамино восторга я не разделял. Мне было тоскливо без друзей — Вадюхи и Женьки.

А каникулы меж тем всё бежали и бежали. И ничего такого не случилось.

Как-то раз мама говорит мне:

— Тёмка, а не рвануть ли нам с тобой в лес?

Я ей:

— Конечно, рвануть! Ещё как рвануть!

И мы рванули. Я хотел Глашку с собой прихватить, чтобы порезвилась на природе, но мама сказала, что живности в лесу и без черепахи хватает.

В таком лесу, как этот, я ни разу не был. Это был сказочный лес!

Мы сначала пересекли трассу, прошли напрямую через поле, а там до лесной чащи — рукой подать. Лес оказался дремучим, тёмным, полным всяких

деревьев. Выше всех были сосны, они упирались ветками в небо (из таких строили корабли, их поэтому называли «корабельные»). Под соснами валялись шишки. Я захотел поднять одну, но вдруг кто-то часто-часто заговорил, и я сразу забыл про природу.

— Кукушка! — обрадовалась мама.

— Настоящая? — не поверил я.

Сразу поясню: в тот день я впервые услышал кукушкин голосок. Он казался мне человеческим и очень даже заманчивым: чистым-чистым, с одинаковыми паузами — хоть часы по нему сверяй. Кукушка в три секунды нарисовалась в моём воображении: что-то вроде совы с большими вытаращенными глазами. И мне сию секунду захотелось её увидеть. Ведь так уметь куковать! Да как громко! И ровненько! Не всякая птица так сможет. Я стал искать птаху глазами и отвечать ей: «Ку-ку!» Кукушка немного попела... Хотя пением её плач едва ли назовёшь. Пока мы с ней перекликались, я успел рассмотреть все деревья вокруг. Но птичка надёжно спряталась в ветках.

— Кукушка кого-то зовёт? — спросил я маму.

— Объявляет о начале лета. А знаешь, Тёма, кукушки гнёзд не вьют и птенцов не выкармливают.

Ого! Как это? Просто в голове не укладывалось... Но ведь кукушки — мамы, а все мамы кормят детей!

— Эти птицы подкладывают свои яйца в гнёзда мелких пернатых, — продолжала рассказывать мама о кукушках. — Причём выбирают гнёзда тех, яйца которых похожи на их собственные. Поэтому часто юных кукушат не отличишь от сводных братьев и сестёр. Маленький кукушонок должен многое уметь. И главное — чтобы приёмные родители кормили досыта, ему, выпрашивая корм, надо подражать их голосам.

— Зачем кукушки так поступают? Ишь какие... — обиделся я на хитрушек.

— Самим прокормить птенцов — сил не хватает. Ведь за лето одна кукушка может снести несколько десятков яиц.

— А давай поймаем птичку и будем её кормить. И она станет хорошей мамой, — предложил я маме.

Но она засомневалась:

— Кукушки — особы вольные, им в клетке — не жизнь. Да и сможем ли поймать?..

— Сможем, сможем! И не думай!

Пока мы разговаривали, птичка смолкла, не оставляя нам шанса увидеть её. Я скис. Мама сказала, чтобы я не вешал нос, что в другой раз мы обязательно найдём кукушку. Только она так сказала, в моей голове всплыл стих поэтессы Галины Маштаковой:

*Красивый телёнок —
Коровы ребёнок.
Кудрявый ягнёнок —
Овечки ребёнок.
Ушастый зайчонок —
Зайчихи ребёнок.
И лишь кукушонок —
Ничейный ребёнок.*

Ничейный кукушонок... «Он будет моим! И кукушка тоже», — так решил я и сказал о своём решении маме. «Наш ты птенчик!» — обняла она меня и чмокнула.

После той прогулки моя жизнь превратилась в сплошное ожидание. Чего я ждал? Когда снова пойдём в лес. Но мама лишь обещала и обещала («кончатся дожди, и пойдём», «папа освободится, и отправимся все вместе»)... А я упорно ждал.

И вот однажды она сказала:

— Скоро, Тёмушка, у папы юбилей. Как только он пройдёт, сразу — в лес за грибами!

— Нет, за кукушечкой! — подпрыгнул я.

Тогда я не знал, что это такое — юбилей. Мне казалось — это когда человеку много лет исполняется. Наш папка был главным инженером на заводе, и, значит, думал я, лет ему — ого сколько! А потому юбилей у него должен быть скоро. «Вот бы завтра! — мечтал я. — Завтра пошли бы в лес (но не за грибами!)... И поймали бы кукушечку...»

Но юбилей не проходил. А я всё ждал: ну когда же? Просто уже не мог жить без юбилея, то есть без кукушечки.

И вот как-то раз... Дело было в пятницу. Папка приехал на дачу позднее обычного. И до меня долетели его слова:

— Юбилей, Мариша, прошёл, как и хотел, — без пафоса. Были все мои сотрудники. Тепло поздравляли... Вручили подарок...

— Урааа! Юбилей случился! — Я выскочил из-под одеяла, помчался на кухню и на скорости врезался лбом в сверкающую коробку — она стояла на столе напротив моего лба. Как только я треснулся, коробка кукукнула. Но я не придал этому значения. Главное — юбилей! А ещё — обёртка — в неё был упакован подарок. Как же она блестела!.. Пока я её рассматривал, папа запел что-то цирковым голосом. Потом он снял с коробки новогоднюю бумагу... И тут я не утерпел. Нырнул головой под крышку.

— Не подсматривать! — Папка щёлкнул меня легонько по затылку. — Закрой глаза! — весело скомандовал.

— А как же подарок?..

— Потерпи...

— Так не честно! Я, что ли, один должен не подсматривать и терпеть? — обиделся я, сам не зная на кого, но всё же поскорее выполнил приказ одним глазом.

Когда и мама сомкнула ресницы, папа произнёс:

— Тик-так!

Я открыл глаза, и — ого! — передо мной — сказочный теремок! В таком жили мышка-норушка и лягушка-квакушка. «Будет скворечником для кукушечки!» — обрадовался я и схватил терем.

— Осторожнее, не урони! Вещь хрупкая, с механизмом, — сказал папа мне. И тут же заверил нас с мамой: — Теперь-то уж точно не просплю на работу.

— Мам, смотри, а терем-то с часами!

Так вот почему папка не проспит!

— В нём будет жить моя кукушечка! — заявил я родителям.

Папа пожал недоумённо плечами. Мама округлила глаза.

Тут мне срочно понадобилось в лес (у кукушки есть дом!). Потом вспомнил, что на улице ночь. «Подожду до утра, — сказал себе мысленно, — и сразу в лес за птахой».

Терем был с крышей и полом, спереди красовался циферблат без стекла. Я повёл пальцем стрелки по кругу. И тут такое случилось! Из окошка выглянула... серенькая птичка! Наклоняясь, она стала торопливо выкрикивать: «Ку-ку, ку-ку». Я прямо ахнул:

— Кукушечка! Ты уже здесь!

И этот скворечник... и самооткрывающаяся дверка... и кукушечка с приятным голосом — всё это просто не передать словами! Я завопил, чуть не срывая голос:

— Она уже тут!

— Тише, Артёмка, соседей разбудишь! — это папа.

Но мне было всё нипочём! Душа моя пела!

Вдруг кукушечка скрылась за дверцей. Мама с папой погрустнели, не поверили, видимо, что это та самая кукушка, которая была в лесу. Или другая.

Художник интерьеров:

Капитон ЗЕЛЕНЦОВ

Капитон Алексеевич Зеленцов (март 1790 г. — 3 мая 1845 г.) — русский живописец и рисовальщик, иллюстратор, миниатюрист, жанрист, писал интерьеры и портреты, занимался офортом и литографией.

Капитон Зеленцов родился в купеческой семье, его отец был владельцем трёх крупных заводов на Урале. После получения образования Капитон Алексеевич избрал государственную службу и поступил в Министерство внутренних дел;

П. Заболотский. Зеленцов

позже служил в личном Департаменте императора — Канцелярии Его Императорского Величества.

В свободное от службы время Капитон Зеленцов занимался живописью как художник-любитель, копировал полотна известных мастеров и брал уроки у профессиональных художников. Во время Отечественной войны 1812 года рисовал лубки-карикатуры на французов.

Во второй половине 1820-х годов Зеленцов

В комнатах

Деревенская семья

Мальчик-крестьянин, надевающий лапти

учился у основоположника русского жанра академической живописи А. Г. Венецианова. Не будучи выпускником Императорской академии художеств, был «назначен» в высшее художественное учебное заведение, и на получение звания академика преподаватели задали ему программу «написать картину, изображаю-

Натюрморт

щую внутренность мастерской художника с приличными принадлежностями и несколькими фигурами».

Портрет штабс-капитана Е. А. Ратаева

Капитон Зеленцов блестяще справился с поставленной задачей; в 1833 году он создает полотно «В мастерской художника П. В. Басина» и получает за неё звание академика перспективной живописи. Картина, помимо того, что на ней представлены портре-

Гостиная с колоннами на антресолях

ты действующих лиц, ценна как документ, с мельчайшими подробностями сохранивший и передаю-

щей историю и условия русского художественного творчества первой половины XIX столетия.

Кроме этой заданной картины современники восхищались другой работой Зеленцова «Мальчик, убираю-

Мастерская художника П. В. Басина

Комната художника

щий комнату» или «Молодой полонет»; она была представлена на выставке произведений, доход от продажи которых шел в пользу Общества поощрения художников, и куплена для Русского музея. Один из критиков так отзывался об этом произведении: «...Кажется, мальчик стоит посреди и ровное пространство отделяет его от задней стены, как и от зрителя. Тонкая наблюдательность, заметная в самых мелочах, вплоть до пыли, которая еще не стерта с фортепьяно».

Капитон Зеленцов создал иллюстрации к собранию сочинений Ф. Булгарина, роману А. С. Пушкина «Дмитрий Самозванец», произведениям М. Н. Заго-

скина «Леонид» и «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Оформлял также книги «Волшебный фонарь» и «Сто русских литераторов», вышедших в 1817 и 1941 годах. Он автор «Увеселительной азбуки, составленной и зарисованной К. А. Зеленцовым» (1835).

В 1830–1840-х годах Капитон Зеленцов работает как профессиональный художник; он пишет принесшие ему известность картины «В комнатах. Гостиная с колоннами на антресолях», «В комнатах», Перспективный вид комнаты», «Мальчик с кувшином», «Старик с ломтем хлеба», «Молодая крестьянка на сенокосе». Его произведения отличают

Мальчик с кувшином

Девушка в шубке

точная художественная передача деталей, достоверность и лиричность создаваемых на полотне образов.

Капитон Зеленцов вошёл в историю отечественной живописи как мастер изображения интерьеров, — картин, дающих наглядное представление о жизни того слоя русского общества, к которому принадлежал художник, в России первой половины XIX столетия. Картины живописца хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, музеях Архангельска, Иркутска, Твери, Минска, Улан-Удэ.

А как голос похож! Только вид у неё был не как у совы. Скорее, как у простого воробья. Но не это главное, главное — она здесь!

Папа поставил терем на кухонную полку. А я... Как думаете, что сделал я? Запротестовал:

— Пусть кукушечка живёт в моей комнате! Рядом с подушкой.

Но папка переупрямил меня, и скворечник остался на кухне.

«Кукушечка будет выкрикивать своё любимое «ку-ку», а я стану отвечать на её языке...» Я поделился этой мыслью с родителями. Они переглянулись. В их глазах читалось удивление. «Открывать окна теперь не будем, и дверь тоже», — возникла в моей голове новая мысль. А то ведь что?! В открытое окно выпорхнул когда-то наш зелёный попугайчик и не вернулся. Как же мы с Алькой ревели!..

Передумав обо всём, я взобрался на стул, вытянулся перед скворечником и стал ждать: вдруг кукушечка снова появится.

— Тёмушка, пора спать! — сказала мама.

Этого ещё не хватало! Всегда вот так. Бросай, значит, все дела — и спать! Я затаился — очень хотел увидеть птичку. Потом не выдержал... шепнул в дверцу:

— Ну же, кукушечка, давай, вылезай! Скорее же!..

Но птичка не появлялась. Я ждал. Вот сейчас...

— Артём, быстро в кровать! На работу бы мне не проспать.

Это папа пытался достучаться до моего выключенного сознания.

— Па, не бойся, кукушечка тебя разбудит!

— Сейчас же отправляйся!

Преираться было бесполезно — папку не уговоришь, хоть плачь. Уходя из кухни, я обернулся. Эх, кукушечка...

В ту ночь мне было не до сна. Я ворочался, прислушивался... «Ей понравится у нас, обязательно понравится... Глаз не сомкну — буду следить за птичкой», — подумал я. И уснул.

А утром... Не сразу понял, чей это крик. «Ку-ку», — донеслось до меня. И тут меня холод прошиб: моя птичка! Я — пулей к скворечнику. Но окошко захлопнулось прямо перед моим носом. Эх, не успел! Встав на стул, я потянул за боковую дверку, заглянул в домик... А там — механизмов!.. Видимо-невидимо. Мини-цех с разными колёсиками, пружинками, непонятными штуковинами... Как у папы на заводе. Я крутанул колесо с зубчиками, тронул угластую пружину... И вдруг углы у пружины соединились, защемиив мой указательный палец. Больно! Я хотел было зареветь, но спохватился: не спугнуть бы хозяйку теремка!

— Кукушечка, хоть на секундочку высунься! — взывал я к скворечнику.

В ответ — тишина. И тут я не выдержал. Рванул за ту самую пружину, в домике что-то треснуло, окошко распахнулось, и из него выпала... птичка! Скрипнув «ку-ку», она повисла вниз головой.

Вот ты какая?! Ненастоящая... Из железа...

Мне стало... не передать словами... И подлые слёзы хлынули по щекам... Они мчались всё быстрее и быстрее и падали куда попало.

— Ты уже проснулся? — услышал я голос мамы за спиной.

Ответить ей не мог — шмыгал носом. А когда уткнулся в мамино подросшее плечо, заревел на полную громкость. И не заметил, как вошёл папка. Увидев перевернутую птичку и нас с мамой, он взял меня на руки и, растягивая слова, бодрым понарошку голосом проговорил:

— Ну-у, Артё-ё-м... Ты же муж-ик... Не сто-ит так расстра-а-иваться... Мы с тобой обяза-а-тельно починим часы... И кукушка снова запоёт, будет как но-о-венькая...

«Эх, папка, папка... — подумал я тоскливо. — Ничего-то ты не понял...»

А вслух сказал, проглотив слёзы:

— Не хочу кукушку на проволоке! Мне нужна живая... И чтобы с крылышками...

— Мамуль, пойдём в лес... Ты же обещала... — попросил я сдавленным голосом, слезая с папиных колен.

— Зачем же откладывать?! Завтра все вместе и отправимся! — постановил папка и сжал меня в объятьях так, что я чуть не треснул по швам.

Древнерусская МОНЕТНАЯ ЧЕКАНКА

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

Первая золотая монета

Первая русская золотая монета — это златник князя Владимира, чеканившаяся в Киевском княжестве в конце X — начале XI века. Сейчас в музеях страны находятся 10 златников. Вес монеты около 4 граммов. От златника произошла русская единица веса — 4,266 грамма.

Первый серебряный рубль

Первый русский серебряный рубль отчеканили в 1654 году на московском денежном дворе во время царствования Алексея Михайловича, отца Петра Первого. На лицевой стороне монеты изображён скачущий на коне царь в накинутой на плечи шубе, на оборотной стороне — двуглавый орёл, увенчанный короной.

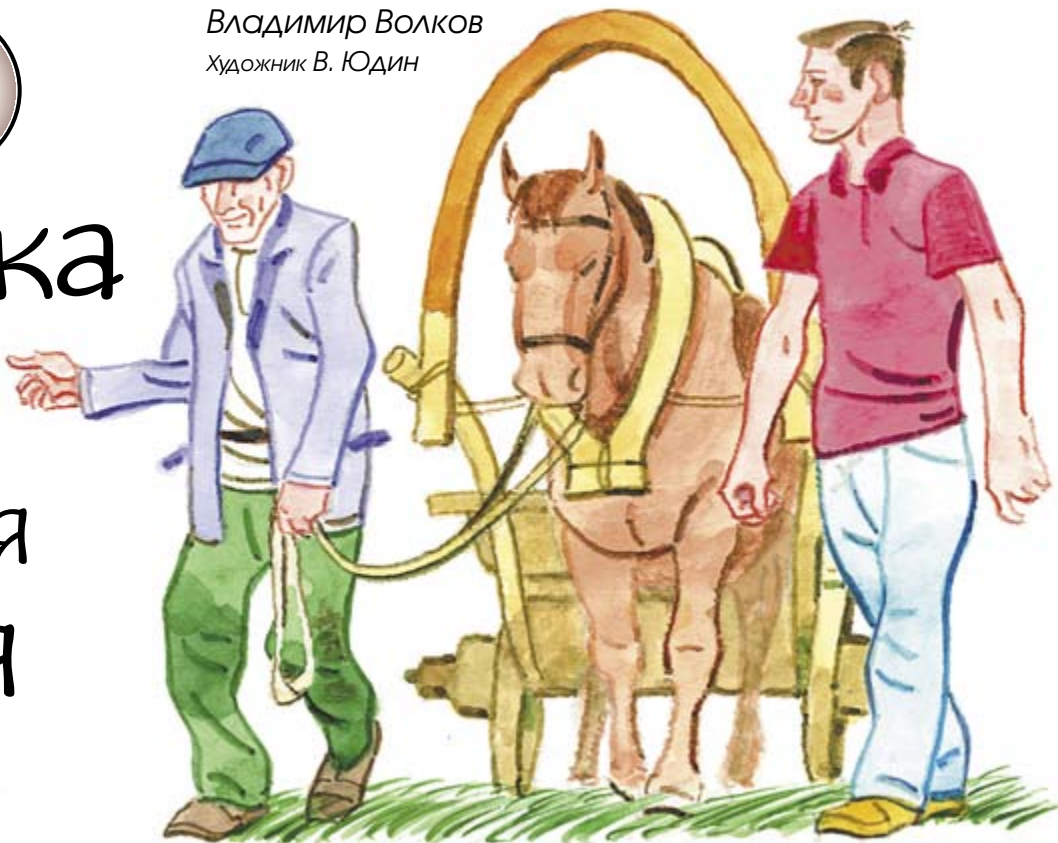
Копейка

Летописи сообщают, что в 1535 году при малолетнем Иване IV были выпущены новые деньги. Они представляли собой серебряные монеты с изображением: «Князь великий на коне, а имел копьё в руке и оттоле прозваша денги копейные». Так появилось название «копейка».

Летка и дядя Коля

Дядя Коля работал шофёром. Однажды на дороге он подобрал жеребенка. У него оказались перебитыми передние ноги — видно, он попал под машину. Дядя Коля показал жеребёнка ветеринару. Тот приладил к ногам дощечки и крепко прибинтовал их.

Так жеребёнок, мы назвали его Леткой, стал жить у нас в деревне. Первое время он ходить не мог. И мы, мальчишки, носили ему повитель — есть такая тянучая травка, которая растёт в картошке — мы все огороды в деревне пропололи.

Летка быстро поправилась и даже стала бегать. «Летка!» — позовёт её дядя Коля, и та несётся к нему. А дядя Коля встанет на колени и начинает растирать ей ноги, шепча что-то.

Привязалась к дяде Коле и Летка. Дело доходило до того, что, когда он выезжал из деревни, Летку приходилось закрывать во дворе. Иначе она срывалась с места. И — за машиной. Дядя Коля останавливался. Он и ругал Летку,

и упрашивал вернуться назад. Ни в какую! Приходилось ехать обратно в деревню.

И когда Летка стала взрослой лошадкой, дядя Коля продолжал опекать её. В колхозе зимой кончилось сено, и лошади оказались на голодном пайке. У Летки всё заметнее подводило бока. И дядя Коля привел её в свой двор. «До травки у нас постоит», — сказал он.

Однажды у дяди Коли разболелась раненная в войну рука, и он попал в нашу сельскую больницу. Я навещал его, носил всякую домашнюю еду: творог, сметану, яйца. Как-то я пришёл к нему, а он так радостно говорит: «Ты знаешь, кто у меня был? Ни за что не поверишь! Летка! Как она меня тут нашла — ума не приложу!»

Я думаю, этому фокусу дядя Коля обучил Летку там, в больнице, когда она приходила к нему. Но увидел я его, фокус этот, уже дома, в деревне.

Сидим мы как-то за самоваром. Вдруг дядя Коля открывает окно: «Эй, Летка, чай-

ку не хочешь?» Летка подошла и просунула в окно голову. Дядя Коля взял большую тарелку, вылил туда чай из своей чашки и протянул тарелку Летке: «Если горячо, подуй!» И Летка действительно, раздув ноздри, громко фыркнула и припала к тарелке. «Еще хочешь?» — на полном серьёзе спросил дядя Коля, Летка мотнула головой — спасибо, мол, и осторожно вытянула из избы голову. Я подскочил к окну. Летка, как ни в чём не бывало, шла по улице, довольно помахивая своим роскошным длинным хвостом.

Летка была очень сильной и выносливой лошадкой. Сколько бы ей в телегу ни наваливали, она тянула. В любую погоду и по всякой дороге — вытянется вся, того гляди, из упряжи выскочит, а тянет. Нужно сказать, что кроме обычных колхозных работ у неё были ещё свои, особые, которые доверяли только ей. Только на Летке, например, отвозили заболевшего в больницу, только её запрягали, чтобы съездить

на станцию за приехавшими родственниками. На ней зимой возили ребят в школу.

Была ещё одна исключительно Леткина обязанность — вытаскивать из ямы на дороге возле пруда дядину полуторку. Над этим посмеивалась вся деревня, но раза три за лето такое случалось. О том, что дядя Коля застрял, мы узнавали по тягучему завыванию мотора. Мы, ребята, считали своим долгом помочь дяде Коле и с лопатами бежали к пруду. Поначалу он уверенно командовал — там подкопать, туда веток подбросить и весело кричал из кабины: «Не робей, братва, я до Берлина дорулил, а чтоб до родной Третьяковки не доехать...» Но потом выходил из кабины и спрашивал: «Летка где?» — «Тута», — хором отвечали мы и бежали за Леткой. Мне, как племяннику, поручалось самое важное — тянуть Летку под уздцы. Она приседала, выгибалась, у неё расплзались по грязи ноги, но всё-таки полуторка выкатывалась из злополучной ямы.

Последний раз я видел Летку уже студентом. Дядя Коля уже шофёром не рабо-

тал. И Летка была не у дел. Как-то её увидел приехавший в деревню районный зоотехник. «Вы что! — сказал он председателю колхоза. — Тут со здоровыми лошадьми, не знаешь, что делать, а вы какую-то клячу держите!» Эти слова дошли до дяди Коли. И он привёл Летку к себе, во двор, как когда-то... А потом и занятие ей придумал — возить хлеб из пекарни.

Я не раз ездил с дядей Колей за хлебом. Чаше всего по дороге мы говорили о ней, о Летке. Услышав своё имя, она прядёт ушами, оглядывается...

— И вот что я тебе скажу — никогда при мне не было ни кнута, ни жичины какой. Стоило вот так чуть по боку вожжой шевельнуть, и попрёт, и попрёт... Я и всех в деревне предупредил: «Увижу над Леткой кнут — враз об колени!» — по-стариковски согнувшись, говорил дядя Коля. — Справная лошадка, чего уж там... На совесть поработала. Как это вы сейчас говорите... не сачковала».

На горке дядя Коля ловко, несмотря на возраст, спрыгивает с телеги. Спыхватившись, слезаю и я...

ИГРОТЕКА

Александр Черенков

Форменная шарада

Море качает слова начало.
Больше такого живого начала
Оно никогда не качало.

Слову конец:

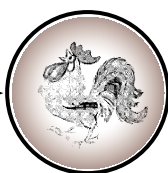
Хвойное дерево — году венец.

Отгадка:

Совсем не мундир,
Но носит его командир.

ОТВЕТ: КОМАНДИР

Лунный сыр

Павел Гусев
Художник О. Ионайтис

Мышонок бежал по своим делам в магазин и смотрел по сторонам. Ну мало ли, что может случиться, кошка-то недалеко где-то ходит. Тут поднял он голову и увидел над крышей дома жёлтый блестящий шар, похожий на сыр (это была луна, но мышонок этого не знал).

— Пойду, достану его! — пропищал он и помчался к дому. Поднялся по лестнице на самую крышу, глядит, а сыр ещё далеко за облаками.

— Найду самое высокое место и достану его, — решил Мышонок и побежал дальше. И тут заметил высоченную башню, на вершине которой, на самом шпиле прицепился сыр. Висит и вкусной корочкой сверкает. Обрадовался Мышонок:

— Вот сейчас я его достану!

И хотел было уже взобраться. Но тут сыр загородила большая серая туча. Хлынул холодный ливень и всю шер-

стку ему измочил. Мышонок испугался и помчался домой.

«Вернусь, когда дождь кончится!» — решил он.

Ливень шёл очень долго, за это время мышонок успел прибрать постельку, убрать мусор из норки, достать зёрнышек для себя и для Мама.

Мама мышь, увидев старание Мышонка, поблагодарила его.

— Спасибо, сынок! — и погладила по спинке.

Когда туча ушла, и сыр опять появился на высоком шпиле, Мышонок выбежал на улицу и очень удивился: от сыра осталась ровно половина.

— Может, пока я ждал, когда туча уйдёт, его кто-то скушал? — расстроился он. Мышонку было очень обидно, и он заплакал. Тут его слёзы заметила Мама Мышь.

— Что с тобой случилось, сынок? — спросила. И Мышонок рассказал ей:

— Я первым из мышей увидел сыр, но кто-то успел отъесть от него целую половину!

Мама засмеялась:

— Это луна, а не сыр, — успокоила она его, — луна бывает круглой — это полнолуние, когда половинка её — это месяц. Но вот из чего она состоит — не знаю. Может, и правда из сыра.

И тут мышонок заметил в луже отражение. Часть луны, а рядом на суше маленькую корочку от сыра (видно, кто-то его выбросил). Мышонок этого не сообразил и радостно закричал:

— Мама, смотри! Вот она — откушенная луна, в луже лежит, а маленький кусочек сыра от неё отломился!

Он так был рад, припустился плясать и громко стучать лапками.

Услышали шум мыши, прибежали. Всем стало интересно взглянуть на лунный сыр. Кошка тоже пришла полюбопытствовать. И, не взглянув на мышей, схватила сыр и слопала.

Мышонок и мыши не расстроились. Всё равно всем не хватило бы и попробовать сыр.

А в лужу за сыром никто не решился лезть, он глубоко лежал, на самом дне.

Скоро пришла зима. Всё вокруг замело белым снегом. И лужица покрылась льдом. Мышонок, несмотря на холод, каждый вечер выходил из норки. И когда показывалась луна, думал: «Как бы мне добраться до неё и принести много, много сыра для себя, для мамы, для друзей, чтобы все наелись досыта».

Плакат 1930-х годов

лицей

ПОСЛОВИЦЫ О ТРУДЕ

**Землю солнце красит,
а человека — труд.**

О человеке судят по его труду.

**Ремесло — золотой браслет
на руке.**

Каков промысел, такова и добыча.

**С мастерством люди не рождаются,
но добытым мастерством гордятся.**

**Всякое ремесло честно,
кроме воровства.**

Всякому молодцу ремесло к лицу.

Люби дело — мастером будешь.

**На работу с радостью,
а с работы с гордостью.**

Какие труды, такие и плоды.

Пашню пашут, руками не машут.

**Труд человека кормит,
а лень портит.**

Не учи безделью, а учи рукоделью.

Больше дела — меньше слов.

**Кто в слове скор,
тот в деле редко спор.**

**Пока железо в работе,
его и ржа не берет.**

**Деревья смотри в плодах,
а людей смотри в делах.**

Автопортрет

Леонид Владимировский

Дорогие друзья! Совсем немного не дожид замечательный детский художник Леонид Владимировский до своего 95-летия. Вы, конечно, с детства знаете его героев: Буратино, Страшилу, Элли и многих-многих других. Этот рассказ художник прислал нам в редакцию зимой и, к сожалению, не дождался публикации. Прочитайте о его случайной встрече в самолёте с Чарли Чаплиным.

А история эта произошла под самый Новый 1961 год.

Наша делегация летела в Австралию. За окошком самолёта всё было голубое: и небо без единого облачка, и Индийский океан внизу. Ровно гудели моторы самолёта, было солнечно и спокойно.

Я достал походный альбом для набросков и нарисовал девушку, сидящую в соседнем ряду. Она заинтересовалась и под села ко мне на свободное кресло. Англичанку звали Джеральдин. Она с папой, мамой и братом путешествовала. Мне показалось, что её отца, невысокого пожилого господина, я уже раньше видел. Но где?

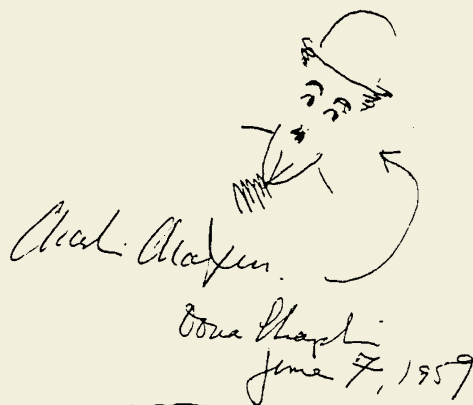
— А мой папа тоже художник, — сообщила мне Джеральдин.

Недолго думая я передал альбом её отцу.

«Посмотрим, какой он художник», — с некоторым злорадством подумал я.

Седой господин не смутился и быстро, за несколько мгновений, что-то начертил в моём альбоме. И передал его мне обратно. Я взглянул и буквально остолбенел... На рисунке был изображён знаменитый киногерой Чарли! А под ним стояла подпись «Чарли Чаплин». Джеральдин сказала:

— Этот автопортрет в роли Чарли папа рисует

только в хорошем настроении...

А из соседнего ряда мне улыбался сам Великий артист, режиссёр, сценарист, художник, композитор, фильмы которого любят и дети, и взрослые во всём мире, — Чарльз Спенсер Чаплин.

Портрет был нарисован мастерски. У Чарли на портрете не было ушей, овала лица, а только самое главное: глаза, удивлённые брови, нос, усики, а на голове — котелок. А больше ничего и не нужно было рисовать. Он был и так очень похож!

— «Высший класс!» — подумал я и вспомнил, что ещё один гений умел так рисовать самого себя. Конечно же наш Александр Пушкин!

Я спросил Чаплина, не будет ли он против беседы с русскими. Через пару минут вся наша небольшая группа была рядом с ним. Чаплин с женой Уной дочерью Джеральдиной и сыном Майклом путешествовал по Азии и направлялся из Японии в Индонезию. Мы встретились с ним на перелёте из Сингапура в Джакарту. После взаимных представлений Чаплин спросил:

— Вы из Москвы?

— Да, — подтвердили мы.

— Там у меня есть знакомые. Режиссёр Александров с женой Любой.

Жил и мой друг гений кино Сергей Эйзенштейн. Я хотел бы побывать в вашей стране, но инкогнито. Я не люблю торжественных встреч. Я уже вышел из того возраста, когда легко быть дипломатом.

— Но, — возразили мы, — у нас вас очень любят и встречали бы со всей искренностью!..

О чём только не говорили за два часа перелёта... Чарли Чаплин был радужен к нам, энергичен и бодр. Ему никак нельзя было дать 71 год. Уне было тридцать четыре. В одном интервью она сказала:

— Я замужем за молодым человеком. Люди считают, что он мне в отцы годится, но в нашем доме возраст не в счёт. Он подарил мне зрелость, а я храню его молодость.

И действительно, уже после нашей с ним встречи Чаплин издал две книги — «Моя автобиография» и «Моя жизнь в кино», снял фильм «Графиня из Гонконга», а через два года у супругов родился их восьмой ребёнок, сын Кристофер. Чаплин прожил ещё достаточно много лет и тихо уснул в Рождественскую ночь 1977 года.

Между тем беседа продолжалась.

— Самая трудная задача для художника — создать яркий живой образ главного героя. Если это случилось и зрители его полюбили — успех такому произведению обеспечен.

Чаплин говорил и о том, как трудно художнику быть зависимым от продюсеров, от всех тех, кто финансирует искусство.

— Мне лично ни успех, ни слава независимости не

принесли. Её принесли деньги. Только они позволили самому ставить фильмы, работать, как хочется.

Боясь утомить Чаплина, мы несколько раз порывались уйти, но Чаплин удерживал нас, говоря, что эта беседа ему интересна и приятна.

Стюардесса объявила посадку, и мы, сердечно попрощавшись с Чаплином и его семьёй, вернулись на свои места и пристегнули ремни.

В Джакарте из самолёта сначала вышли все пассажиры, а уж потом, под щёлканье затворов фотоаппаратов и шелест камер, по трапу спустился Чарли Чаплин. Его подхватили под руки и повели к машине. Я был поражён, — это был совсем не тот человек, что совсем недавно беседовал с нами. На лице его не было и тени той приветливости, что очаровала нас, — оно было невыразительно и безразлично ко всему, что происходило вокруг.

В моей мастерской на стене висят иллюстрации к сказкам: Элли разговаривает с соломенным пугалом Страшилой, Мальвина воспитывает озорного Буратино, храбрый витязь Руслан на белом коне спешит к своей Людмиле... А среди них, в самом центре, новогодний сюрприз — рисунок Чарли, — тоже, безусловно, сказочный.

И вот уже более сорока лет, прошедшие со времени встречи в самолёте, я смотрю на него и пытаюсь научиться так себя рисовать. Но так лаконично и выразительно, как у Чарли Чаплина, не получается. Надо ещё подучиться.

ГЕРБАРИЙ

Художник Г. Лопачёва

Лев Толстой

Какая бывает роса на траве

Когда в солнечное утро, летом, пойдёшь в лес, то на полях, в траве, видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и жёлтым, и красным, и синим. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листах травы и блестят на солнце!

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листу и не мочат его.

Когда неосторожно сорвёшь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнёт мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Гуси в полынье

Художник Н. Буканова

Ледостав на Енисее наступает постепенно. Сначала появляются зеркальные забереги, по краям хрупкие и неровные. В заливчиках и заводях они широкие, на быстрине — узкие, трепещущие. Но после каждого морозного утра они становятся всё шире, а потом начинает плыть шуга. И тогда вся река шуршит печально, утихомирно, засыпая до весны.

С каждым днём толще и шире забереги, уже полоса воды, гуще шуга. Она теснится, рыхлые льдины с хрустом лезут одна на другую. А потом окрепшая шуга спаивается, и однажды, чаще всего в студёную ночь, река встаёт.

Там, где река в последний раз сердито громоздила льдины, остаются торосы — острые ледяные клыки торчат всюду.

Но вот закружилась позёмка, потащило ветром снег по реке, и зазвенели тонкие льдинки, сдерживая порывы ветра; возле них, как у щитков, образовались сугробы. Только на быстрине, на самой стремнине, где торосы высоки и льдины крепки что сталь, всю зиму торчат они, зеленоватые, сверкающие на солнце.

Но как бы ни крута была осень, как бы густо ни шла шуга, она никогда не может разом усмирить Енисей. На нём то там, то тут остаются полыньи. Са-

мая большая полынья — у Караульного быка.

Здесь всё бурлит, клокочет, шуга плывёт дальше, свирепое течение крушит хрупкий припай. Не мирится Караульный бык, не желает вмерзнуть в реку. Уже вся река замёрзла, а он стоит в полной воде. Уже идут по льду первые отчаянные пешеходы, осторожно прощупывая палкой лёд перед собой; появилась одинокая подвода, затем длинный, неторопливый обоз, а у быка всё ещё колыхнется пар и чернеет вода.

От пара куржавеют каменные выступы быка, а кустики, трава и сосенки, прилепившиеся к нему, обрастают толстой бахромой, и среди тёмных, угрюмых скал Караульный бык, разрисованный пушистыми, до рези в глазах белыми узорами, кажется каким-то чудом.

Однажды после ледостава кто-то сообщил в деревню, что возле быка, в полынье, плавают гуси и не улетают. Гуси крупные, людей не боятся — должно быть, домашние.

И в самом деле, вечером, когда мы, ребяташки, катались на санках, с другой стороны реки слышались тревожные крики. Можно было подумать, что там кто-то долго, настойчиво и нестройно наигрывал на пионерском горне.

Гуси боялись наступающей ночи. Ведь полынья с каждым часом становилась всё меньше. Мороз исподволь, незаметно округлял её, припаивал к крайкам плёночки льда, которые твердели и уже не ломались от вихревых струй.

На следующий день мы целой оравой перешли реку по свежей, ещё чуть наметившейся тропинке и приблизились к быку. Один по одному забрались на выступы обледенелого камня и сверху увидели гусей.

Полынья сделалась совсем маленькой. Там, где вода выбуривала тугим змеиным клубком и кипела так, словно её подогревали снизу громадным костром, ещё оставалось тёмное яростное окно. И в этом окне металась по кругу ошалевшая, усталая и голодная стайка гусей. Чуть впереди плавала дородная гусыня и время от времени тревожно вскрикивала. Иногда она подплывала к хрупкому припаю, врезалась в него грудью, пытаясь выбраться на лёд и вывести весь табун.

Мне и прежде приходилось видеть плывущих среди льдин гусей. Где-то в верховьях Енисея они жили себе, жировали и делались настолько беспечными, что и ночевать оставались на реке. И эта беспечность приводила к тому, что ночью их подхватывало свежей шугой, выталкивало на течение, и к утру они уже оказывались невзвесть где и в конце концов вмерзали в лёд или выползали на него и, конечно, гибли от мороза.

А эти всё ещё боролись. Их подбрасывало на волнах, разбрасывало в стороны, как белый пух, и тогда мать вскрикивала коротко и властно. И мы понимали это так: «Быть всем вместе! Держаться ближе ко мне! Не вешать голов!»

Внезапно одного гуся течением отделило от стайки, подхватило и понесло к краю полыньи. Он поворачивался навстречу струе грудью, пытаясь одолеть течение, но его тащило и тащило. А когда пригнало ко льду, он закричал отчаянно. Мать бросилась на крик, ударяя крыльями по воде, но молодого гуся притиснуло к краю льда, свалило на бок, и он беленьким комочком мелькнул под припаем, как под стеклом, и исчез навсегда.

Гусыня кричала долго и с такой печалью, что у нас спины покорило.

И тут кто-то из ребят сказал:

— Пропадут гуси. Все пропадут. Спасти бы их!

— А как?

Мы задумались. Ребяташки-ребяташки, а понимали, что с Енисеем шутить нельзя и что к полынье подобраться невозможно. Обломится припай у полыньи, и мигнуть не успеешь, как очутишься подо льдом и закрутит, как того гуся, — ищи-свищи потом.

И вдруг разом, как это бывает у ребяташек, мы заспорили. Одни предлагали подбираться к полынье ползком, держа друг друга за ноги; другие говорили, что надо позвать охотников и пристрелить гусей, чтобы не мучились; третьи утверждали, что надо ещё день подождать, и гуси сами тогда выйдут на лёд, выжмет их из полыньи морозом.

Так, споря, мы спустились с быка и очутились на берегу возле домов известкарей.

Много лет мои односельчане занимались нехитрым и тяжёлым делом — выжигали известку из камня. Камень до-

бывали из скал, возили на берег. Здесь же на берегу разделявали приплавленные плотами брёвна на длинные поленья — бадоги.

Возле одной поленницы, гулко охая, бил по клину деревянной колотушкой Мишка Коршуков. Вообще-то он был, конечно, Михаил, вполне взрослый человек, но так уж все его звали: Мишка и Мишка.

Однажды этот Мишка на спор перешёл во время весеннего ледохода Енисей и оттого считался в деревне отчаянной головушкой.

— Что за шум, а драки нет? — спросил нас Мишка, опуская деревянную колотушку. Его озорные чёрные глаза искрились смехом, на носу и на груди блестел пот, и весь он был в плёнках берёсты, и кучерявая цыганская голова сделалась седой от этих плёнок.

Мы рассказали Мишке про гусей. Он радушным жестом указал нам на поленья. Когда мы расселись и сосредоточенно замолкли, Мишка закурил, выпустил клуб дыма и сказал:

— Погибнут гуси, если не помочь им выбраться.

Нам сразу стало как-то легче: Мишка выручит, он такой.

Мишка и впрямь скомандовал нам следовать за ним, и мы побежали на угол, где строился барак.

— Всем взять по длинной доске! — отдал распоряжение Мишка.

И мы возликовали.

Ну конечно же доски надо, как это мы не догадались сами?

И вот мы бросаем доски и, держа друга друга за ноги, ползём между торосов к припаю. Кое-где под козырьками льдин ещё остались оконца воды, но мы стараемся не глядеть туда.

Мишка сзади нас, ему нельзя на доску — он тяжёлый. Когда заканчивается доска, он просовывает нам другую, мы кладем её впереди и снова ползём, ползём.

— Стоп! — командует Мишка. — Теперь надо одному. Кто гут полегче? — Он обмеривает всех нас взглядом, и его глаза останавливаются на мне. — Сымай шубёнку! — приказывает он, и я начинаю расстёгивать пуговицы. Хочется мне закричать, убежать, потому что уж очень страшно дальше ползти.

Но Мишка смотрит на меня, стоя на доске, по которой я уже прополз, и никак невозможно ему возражать.

Я ползу по доске. Она кажется мне горячее. Под доской трещит и прогибается лёд.

— Гусоньки, гусоньки... — шепчу я, глядя на сбившихся в кучу гусей, которые отплыли к противоположному краю полыньи и встревоженно, с недоумением погагакивают. — Гусоньки, гусоньки... — умоляю их, зову и не могу дальше ползти — страшно. А лёд с тонким перезвоном оседает под доской, и беленькие молнии со щёлком и дзикам мечутся по нему. — Гусоньки, гусоньки! — плачу я и маню их пальцем, рукой, глазами.

А они по-прежнему толпятся в противоположной стороне и, вытянув шеи, глядят на меня.

Вдруг я почувствовал, что возле моего бока что-то зашуршало, и я обмер — подумал, что лёд вовсе обломился, и уцепился за доску.

— Держи, держи доску! — слышу я тугой, взволнованный шёпот Мишки и, не оборачиваясь, нащупываю доску. Она ползёт по гладкому льду легко, и я почему-то думаю, как, наверное, хорошо и бесконечно долго летели бы камен-

Художник Н. УСТИНОВ

ные плиточки по такому вот гладенькому, без единой морщинки, льду.

Доска доползла до воды, чуть прогнула ледок, раскрошила закраек. Я держу кончиками онемевших пальцев доску и опять зову, умоляю:

— Гусоньки, гусоньки, миленькие...

Мать-гусыня поглядела на меня и, недоверчиво гагакая, поплыла к доске. Всё семейство двинулось за ней. Возле доски мать развернулась, и я увидел, как быстро заработали её яркие, будто огонь, лапы.

— Ну, вылезай, вылезай! — нетерпеливо закричали сзади меня ребяташки.

— Ша! Мелочь! — гаркнул Мишка, и ребята покорно замолкли.

Гусыня, напуганная криками, отпрянула, а потом, успокоившись, повернулась грудью по течению, поплыла быстро-быстро и выскочила на доску. Чуть проковыляла до края и приказала: «Делать так же!»

— Ах ты умница, ах ты умница!.. — шептал я.

Гуси так же стремительно заплывали на доску и ковыляли по ней, а я отползал назад, дальше от чёрной, жуткой полыньи и манил:

— Гусоньки, гусоньки!..

А потом, уже на крепком льду, схватил тяжёлую гусыню на руки, зарылся носом в тугое, холодное её перо.

Ребята подобрали остальных гусей, и мы помчались в деревню.

— Не забудьте покормить их! — кричал вслед нам Мишка. — Да в тепло их, в тепло! Намёрзлись, сердечные...

Я припёр домой гусыню, а остальных гусей ребята растащили по своим домам. Бабушка, узнавши, где я был и как гусыню добыл, чуть было ума не решилась и говорила, что Мишке Коршукову она задаст баню. Гусыня орала на всю избу, клевалась и ничего не желала есть. Бабушка выгнала её во двор, заперла в стайку. Но гусыня и там орала на всю деревню, орала до тех пор, пока не отнесли её в другой дом и не собрали к ней всех гусей. Тогда гусыня успокоилась и поела.

С тех пор в нашей деревне появились гуси. И сейчас по улице важно ковыляют, а то плещутся с утра до вечера в Енисее правнуки и праправнуки той храброй и умной матери-гусыни, которую мы спасли от смерти.

Художник

С. Крестовский

← ИЗ ИСТОРИИ
СЛОВ

Ткань Пенелопы

Этот образ, как и сотни других, пришёл к нам из великой поэмы древности — из «Одиссеи» слепого Гомера.

Пенелопой звали верную жену хитроумного скитальца по миру Одиссея, царя Итаки. Двадцать лет ожидала Пенелопа возвращения исчезнувшего мужа. Год за годом ей досаждали люди, желавшие, чтобы она вступила с кем-либо из них в брак.

Пенелопа недаром была супругой хитреца: она пообещала сделать выбор после того, как кончит ткать покрывало для своего старого свёкра, Лаэрта, отца Одиссея. Женихи доверчиво ждали: Пенелопа была искусная ткачиха. Но каждую ночь она распускала все, что успевала изготовить за день. А когда наконец её хитрость была раскрыта и она оказалась перед необходимостью немедленного выбора будущего супруга из числа осаждающих её женихов, вернулся Одиссей и в жестокой схватке перебил всех соискателей на руку своей жены.

Мы называем работой Пенелопы всякий бесконечно длящийся труд, результаты которого уничтожаются по мере его продвижения вперёд. Ткань Пенелопы означает ловкую хитрость, а само имя Пенелопа стало символом верности жены отсутствующему мужу.

СТИХИ, ВОШЕДШИЕ В ПРИРОДУ

*Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;*

*...Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь — но только песня зреет.*

А песня действительно зрела — видимо, и тогда, когда он чувствовал свою ущербность перед дворянскими сынками как незаконнорожденный. И тогда, когда в течение 13 лет тянул армейскую ляжку, надеясь заработать это самое дворянское звание. И когда связал свою жизнь с богатой женщиной, став крепким хозяином-крепостником. По его убеждению, быть верным государю и сложившемуся укладу жизни может только настоящий русский дворянин. И звание это он получил, когда отметил уже свои 50 лет.

Но была и молодость, учёба в Московском университете, где он сблизился с Аполлоном Григорьевым, тоже поэтом, и вошёл в кружок студентов, что с боль-

шим интересом занимались философией и поэзией. И, будучи студентом, Фет издал первый сборник стихов — «Лирический Пантеон». Так что вовсе не случайно вспыхнувшее в нём спустя годы с новой силой то вдохновение, что подарило нам удивительные по искренности, свежести восприятия природы и любви, фантастически мелодичные стихи.

В начале сороковых годов XIX века журналы «Москвитянин» и «Отечественные записки» опубликовали циклы стихов Афанасия Фета — «Снега» и «Вечера и Ночи». А в поэме «Талисман» автор напрямую объяснялся в своей любви к селу, деревенской природе в таких стихах, как: «Деревня», «Люблю я приют ваш печальный // И вечер деревни глухой...» и других. И это было понятно, особенно тем друзьям, что знали о его приверженности к унынию, меланхолии, а порой и отчаянью, ибо душа требовала одного, а жизнь заставляла заниматься совсем другим. Это и военная карьера, и впоследствии мно-

жество хозяйственных хлопот по имению. Но, по словам Аполлона Григорьева, «он был художник, в полном смысле этого слова: в высокой степени присутствовала в нём способность творения... Так сознал и так принял этот человек своё назначение в жизни».

Фету вполне хватало своих излюбленных тем, он купался в них и совсем не собирался сходить на грешную землю, которой в его прозе жизни было предостаточно. Природа и любовь — разве мало этой необъятной стихии? Разве не дают они возвыситься надо всем, что окружает в жизни и далеко не всегда радует, разве не они возвращают его к молодости, мечтам, непостижимой красоте мира?

Возвращаясь к биографии поэта, не лишне вспомнить, что отец поэта, ротмистр в отставке, Афанасий Неофитович Шеншин, очень надеялся на военную карьеру сына и совсем не был в восторге от его писательских прожектов. (Что делать, не всем «дано предугадать, как слово наше отзовётся»).

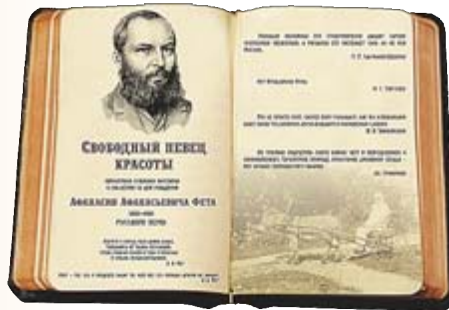
В стихах о любви природа становится существенной частью его состояния, она работает на его чувство, окружает романтикой факт встречи или свидания. Красота, что подарил человеку Бог, — главное, чем стоит дорожить и что надлежит воспевать. По крайней мере, своими строками Фет подтверждал именно это. Так, чувствовать природу, как это умел Афанасий Фет, — дано не каждому, ибо это тоже талант.

Шедевры его лирики до сих пор удивляют и радуют, поскольку это слияние совершенства языка и души. И, конечно, замечательным достоинством его лирики является необыкновенная её певучесть. Строки сами ложатся на ноты, и многие композиторы писали и пишут на его стихи песни и романсы. Не случайно сам Пётр Ильич Чайковский не обошёл эту тему стороной: «Можно сказать, что Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область. Это не просто поэт, скорее, поэт-музыкант». «О, долго буду я в молчаньи ночи тайной», «Какое счастье: и ночь, и мы одни!..», «Сияла ночь. Луной был полон сад», «Давно в любви отрады мало», «В дымке-невидимке» и, конечно, «Я тебе ничего не скажу» и «На заре ты её не буди» — вот лишь немногие из стихотворений Фета, положенные на музыку разными композиторами.

*Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдёт,
Раскрываются тихо листья,
И я слышу, как сердце цветёт...*

Удивительная пластичность языка, где ни одно слово не мешает другому и

ни одна строка не «спотыкается» о другую, — это особенность великой русской поэзии, высокой культуры авторов, вечного стремления к совершенству не только в своих произведениях, но и в самой жизни. Потому и природа у Афанасия Фета

Я. И. Полянский, Н. Н. Страхов и А. А. Фет в имени Фета Воробьёвке

И. Репин. Портрет А. Фета. 1882 г.

максимально очеловечена, является как бы продолжением его лирического настроения. Не случайно Чернышевский отмечал: «Кто не любит его, тот не имеет

поэтического чувства». И если тургеневский Базаров считал, что «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», то для Фета природа — именно тот храм, где можно молиться и Богу, и Красоте, и Любви...

То, что в своё время современные ему критики называли безыдейным щебетанием о любви, — нынче является классикой нашей поэзии. Более того, по словам Маршака, стихи Фета «вошли в русскую природу, стали её неотъемлемой частью».

В последние годы жизни Фет полностью переключился на творчество. Оставив хозяйственную деятельность, он покупает старинную усадьбу Воробьёвку, где очень активно работает в поэзии и выпускает циклы стихов под общим названием «Вечерние огни». Вот строки одного из стихотворений этой серии:

*...Я понял те слёзы, я понял
те муки,
Где слово немеет, где
царствуют звуки,
Где слышишь не песню,
а душу певца,
Где дух покидает ненужное
тело,
Где внемлешь, что радость
не знает предела,
Где веришь, что счастьем
не будет конца.*

Как отмечали — и Некрасов, и Чернышевский, и Лев Толстой, лирика Фета воспитывает чувство поэзии, учит постигать прекрасное в самой жизни. И, смею полагать, в наше время это свойство его стихов более чем востребовано, остаётся только взять томик с полки или зайти в библиотеку, чтобы воспользоваться такой замечательной возможностью.

Здравствуйте, дорогая редакция «Детской роман-газеты»!

Меня зовут Сорвин Александр, учусь в 10 классе средней общеобразовательной школы № 44 г. Тулы. Люблю читать. Любимые авторы: Николай Агафонов, Варнава Санин, Михаил Самарский, Владислав Крапивин, Александр Торик, Ирина Богданова, Александр Пушкин, Антон Чехов, Жюль Верн и другие. Надеюсь, вам понравится мое творчество.

Обращение к моему ровеснику, который, уходя на фронт в 1941 году, не вернулся с войны...

*«...Мы потомки бойцов, защищавших страну,
И мы дети отцов, обуздавших войну!
Не забудем ваш подвиг,
Гордимся, мы — дети героев!»*

(В. Малышев)

Мой ровесник лет Великой Отечественной войны, шестнадцатилетний друг!

Я знаю, когда ты уходил в партизаны, у тебя не было страха, потому что ты — герой! А герои, как известно, ничего не боятся! Уходя на фронт в партизанский отряд, ты и многие другие ребята не знали, что их ждёт завтра. Вы не задумывались об этом. Вы не оглядывались назад, когда шли на верную смерть! Вы не предали Родину и нас, идущих за вами, когда фашисты обстреливали вас. Вы не стали помогать фашистам, когда они пытали вас. Кто-то думал, что ничего не будет известно! Но это не так! Всё стало известно, свидетели свидетельствовали, документы стали открыты!

Мой ровесник лет Великой Отечественной войны! Думая о том, что тебе выпало жить в страшные годы жестокой войны, невольно сравниваю тебя с собой. Смог бы я, как ты, отстоять мир? Не испугался бы? Думал ли о будущем? Имя твоё мне неизвестно! Но в душе я успел полюбить тебя! Полюбить как друга, как старшего брата! Если бы ты жил в двадцать первом веке, мы бы обязательно стали друзьями!

Мне больно, что война забрала навсегда тебя, юных патриотов, всех, кто боролся до конца и не дожидаясь Победы! Сейчас у нас над головой мирное небо и мы должны его сохранить для будущих поколений!

Каждый год Девятого мая мы чтим вашу память минутой молчания, сохраняя в сердцах память о вас! Эту память мы обязательно передадим юному поколению, которое придёт после нас!

Ваш подвиг никогда не забудется и будет жить в веках! Потому что это подвиг жертвенной любви ради других, ради нас!

*Твой ровесник 21 века,
Александр Сорвин*

Письмо прадеду

Кому: Сафонову Сергею,
Куда: фронт 1942–1943 года,
От кого: Сорвин Александр 2014 год

*«Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть родной земли!»*

(А. Симонов

«Майор привёз мальчишку на лафете...»)

Прадедушка Сергей!

Давно хочу написать тебе. Хотя знаю, что ты не прочтёшь. Я уверен точно — с небес ты наблюдаешь за мной! Вижу, как наяву — ты уходишь на фронт, тебя провожает прабабушка Василиса с двухлетней дочкой Валечкой на руках. Ты идёшь уверенно, не зная, что не доживёшь до солнечного утра Девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Перед смертью ты не оступился, я уверен в этом, дедушка! Ты положил свою жизнь на алтарь Победы! Знаешь, я горжусь тобой! Твоя дочка Валечка — это моя бабушка Валя. Она говорит, что не помнит тебя, но в ней я всегда нахожу твои черты! У тебя не было страха, когда фашисты убили тебя. Многие твои товарищи вернулись с фронта. И я уверен, вспоминали тебя как храброго воина! Знаешь, дед, пока я писал письмо, хотелось представить — какой ты? Но, увы, не получается. Твоя карточка не сохранилась. Но это же не беда. Я думаю, ты был очень красивый. Как жалко, что ты ушёл из жизни так рано! Мы с тобой нашли бы тему для разговора. Я уверен — у нас много общего! Ты бы мне рассказал о боях, о том, как вы защищали Родину! Мы бы вместе мечтали, играли, гуляли!

Я люблю тебя, дед, очень люблю и хочу сказать: «Спасибо за Победу!»

Твой правнук Александр Сорвин.

Наш ВЕРНИСАЖ

1

2

Работы учащихся ДХШ № 3 г. Сызрань

1. Суханов Евгений, 11 лет, «Старый город».
2. Афанасьева Надежда, 10 лет, «Берёзы».
3. Борисовский Владислав, 14 лет, «Оборона города».
4. Немчинов Артур, 13 лет, «После боя».
5. Немчинов Артур, 10 лет, «На границе».
6. Горбач Влад, 9 лет, «Умный пёс-санитар».
7. Горбачёва Елена, 13 лет, «Мой край».

3

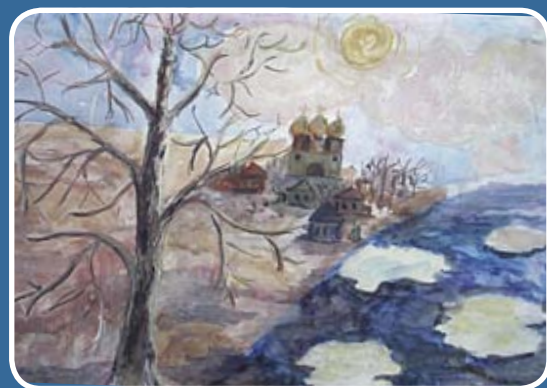
4

5

6

7

РОМАН-ГАЗЕТА **9**

етская

2015 (195)

...Кажется, мальчик стоит посреди и ровное пространство отделяет его от задней стены, как и от зрителя. Тонкая наблюдательность, заметная в самых мелочах, вплоть до пыли, которая ещё не стёрта с фортепьяно.

ИГРОТЕКА:
Форменная шарада

К. Зеленцов. Мальчик, убирающий комнату

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Летка и дядя Коля

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
Ткань Пенелопы

ЛИЦЕЙ:
Пословицы о труде